

Несмотря на достаточно широкую общественную потерю памяти, тяга к истории остаётся одной из самых устойчивых интеллектуальных традиций. Мы хотим непредвзято исследовать и размышлять, уходя от однослойной «исторической правды», открывать широкую историческую панораму, где нет однозначных событий, давно доказанных истин, заведомых злодеев и назначенных праведников, где мир идей, людей и вещей тесно переплетён. Сохранение исторической памяти - это не только путь к рациональному знанию, но и духовному поиску человека, его глубоких и больших чувств, личных и общественных драм.

Эта скромная исследовательская работа, созданная исключительно на местном историческом материале,

посвящена вопросу нахождения японцев в плену на территории Прибайкальского района, в посёлке Турка в 1945-1946 годах. Не секрет, что наша отечественная история до сих пор умалчивает или упоминает вскользь факты использования принудительного труда военнопленных на промышленных и иных объектах народного хозяйства СССР в послевоенные годы, а ведь речь идёт о нескольких миллионах (!) людей. Уже не говоря о том, что отдельной темой исследования могут стать факты нарушения Советским Союзом Международных конвенций о содержании военнопленных и незаконном удерживании длительное время.

ли неподалеку вещи и убежали. Скоро пропажа была обнаружена, а вместе с ней и горе-воришки. Японцы отреагировали по-своему, они сочувственно качали головой и приговаривали: «Бинта надо», т.е. «бить вас надо, называть».

Вскоре и взрослые, вопреки запретам, стали общаться с пленными, старались это делать незаметно, чтобы не навлечь гнев охранников, обменивались вещами, продуктами, время было тяжёлое, полуголодное. Не только трудности послевоенной жизни толкали людей на контакты с пленными,

доходства на Байкале весь состав лагерного отделения в спешном порядке покинул Турку. О предстоящем отъезде стало известно лишь накануне. Многие японцы совершали своеобразный ритуал: в горящую топку печки бросали кусочки шёлковой ткани, различные мелкие предметы, которые хранили у себя всё это время. Подобные действия символизировали, скорее всего, надежду на благополучное возвращение домой. А Кимура и Арай попросили соседку замесить тесто для каждого из них, чтобы испечь хлеб в дорогу. Тесто для Кимуры подошло хорошо, а

НАСЛЕДНИКИ ЯМАТО,

или Пленные японцы в Турке

вот Араю не повезло, его тесто едва тронулось, он ходил грустный и, скрепя руки на груди, повторял: «Арай плохо». Оказывается, у японцев это была плохая примета.

Местным жителям не разрешили проститься с отъезжающими. Пароход, тянувший баржу, стал медленно отдаляться от причала. Японцы с баржи долго смотрели на удаляющийся от них берег, пока кусочек русской земли с нерусским названием Турка не превратился в узкую, едва приметную полоску...

ПРОШЛИ ГОДЫ

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА военнопленных осталась для туркинцев неизвестной. Спустя годы прошли слухи, что один из кораблей с репатриантами был затоплен своими же у берегов Японии, якобы в знак мести за «предательство». Но толком никто ничего не знал. А верить хотелось, что те самые «наши» японцы благополучно вернулись домой: и Кимура, и Арай, и сотни других...

Посёлок Турка изменился до неузнаваемости, многократно вырос, похорошел. Уже давно нет японских баряков, вместо них стоят добротные частные дома, а японские могилы превратились в маленькие холмики, поросшие травой. В 1992 году в Турку приезжали родственники бывших военнопленных, чтобы разыскать могилы своих близких. Местные жители и администрация посёлка оказали самое активное содействие для выполнения этой миссии. Одно из кладбищ находилось в конце огорода местного жителя Яковлева. Зная, что здесь находятся захоронения, хозяева не возделывали этот участок, он так и стоял, заросший травой. Из семи найденных могил были извлечены останки, затем на небольшом валуне, называемом в народе «Черепашка», японцы соорудили погребальный костёр. После церемонии сожжения прах в урнах отправился на вечный покой в страну огнедышащих гор Ямато.

История российско-японских отношений насчитывает не одно столетие и знает разные времена, начиная от Симодского трактата о торговле и границе 1855 года. Наиболее драматичные события произошли в 20 веке. Страшную картину являла собой Япония в конце 1945 года. Война, которую она затеяла и вела долгие годы, разрушила и её саму. Атомными бомбами были уничтожены два города, убиты многие тысячи людей. За алчные планы господства над Азией пришлось расплачиваться дорогой ценой. Сотни тысяч акуратных японских могил покрыли земли Маньчжурии, Китая, Забайкалья и Дальнего Востока, сотни тысяч японцев оказались в советском плену.

В октябре 1993 года во время визита в Японию первый президент РФ Б.Н. Ельцин принёс извинения японскому народу за негуманное отношение к военнопленным. Был сделан ещё один шаг на пути примирения и дальнейшего развития отношений. С этим дальневосточным соседом нам суждено всегда жить бок о бок. А кому неизвестна истина: у соседа могут быть свои взгляды, склонности, привычки, но чтобы ужиться с ним, надо знать его характер, нужно искать точки соприкосновения, в первую очередь, в сфере духовного, в той сфере, где между нами меньше всего реальных и выдуманных барьеров вражды.

Наталья ФИЛАТОВА,
учитель истории, с. Турка.



ИСТОРИЯ ВОПРОСА

8 августа 1945 года, выполняя обещание, данное в Ялте, СССР объявил войну Японии, которая к тому времени и так находилась в безнадёжном положении. Почти весь японский флот был потоплен, а промышленность разрушена. После того, как 6 и 9 августа американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, японское правительство рассматривало вопрос о капитуляции. Нападение СССР укрепило его намерение.

По официальным данным, Красная Армия потеряла 12 тысяч человек. В плен попало 617 тысяч солдат и офицеров японской армии, из которых 78 тысяч не дожили до освобождения. По решению Государственного Комитета обороны СССР от 23 августа 1945 года местами содержания японцев были определены в основном Сибирь и Дальний Восток. В Бурят-Монгольской АССР было размещено 17817 японских военнопленных. Они трудились во многих отраслях народного хозяйства, в промышленности и сельском хозяйстве, на строительстве, лесозаготовках и т.д.

4 октября 1945 года на станцию Тальцы прибыл первый эшелон с военнопленными. Дальнейшей их судьбой будет распоряжаться Управление Главного лагеря МВД № 30 Южлаг. Прибывших военнопленных расформируют и направят по месту работы, одно из лагерных отделений, под № 12, будет находиться в посёлке Турка.

ЗАТЕРЯННОЕ В ТАЁЖНОЙ ГЛУШИ селение на берегу Байкала, с малоизвестным для проезжающих названием Турка, в 30 с небольшим дворов, пережило первую послевоенную зиму. Домой не вернулась половина ушедших на войну мужчин. Осиротевшие дети, вдовы и старики выживали, как могли, валили и сплавляли лес, работали не покладая рук и всё надеялись, ждали, что вернутся домой их родные. В этом тревожном ожидании проходили дни и месяцы.

А в конце декабря 1945 года, когда Байкал уже затягивало льдом...

Вся местная детвора с криками: «Там баржа застряла!» - бежала к месту происшествия, от них не отставали и взрослые. Расталкивая друг друга, они с любопытством наблюдали, как с баржи сходили люди, окружённые охраной. Кто-то шепнул: «Пленные

японцы». Японцев пересадили на сани, запряжённые лошадьми, погрузили коробки с продовольствием и вещами, и в несколько рейсов вывезли в посёлок. В Турке в те дни только и разговоров было, как о прибытии японцев.

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СТАРОЖИЛОВ

БЫЛО ИХ 473 ЧЕЛОВЕКА, одетые в одинаковые серые утеплённые плащи и шапки с длинными ушами, они зябко ёжились на холоде, потирая руки. Японцев поселили в длинном бараке на берегу реки, в соседнем разместились охранники. Внутри барака с печкой в несколько ярусов располагались нары, застеленные простынями и покрывалами. По посёлку японцы ходили только строем, в сопровождении вооружённой охраны, все контакты с местным населением были запрещены и строго пресекались. Их штаб-квартира находилась довольно далеко от баряков, в жилом доме по улице Рейдовая, при штабе постоянно находились два японца, здесь они и жили, а рядом в бывшем амбаре располагались склады с продовольствием и одеждой. Помещения охранялись.

Рабочий день военнопленных был строго регламентирован. Каждое утро, после завтрака, японцев, в сопровождении охраны, отправляли на работы. Небольшая часть пленных была занята на вспомогательных работах рыбодола (тянули невод, грузили рыбу на подводы), такая работа считалась относительно лёгкой. Остальные трудились на валке леса и заготовке деловой древесины. Тяжёлые работы выполнялись вручную. Когда военнопленные японцы, сидя на небольших приступках напротив друг друга, распиливали брёвна, то протяжно и заунывно повторяли одни и те же слова «Сан ё кура я». Для японцев лесозаготовки, да ещё в условиях холода, были непривычны, сопряжены с большим риском для жизни. Незнание русского языка тоже играло негативную роль. Всё это вместе часто приводило к трагическим последствиям, люди калечились, погибали. Вскоре появились и начали расти японские кладбища, на каждом холмике которого находился небольшой заострённый столбик с надписью на японском языке. Старожилы утверждают, что за время пребывания японцев в Турке там было захоронено не менее 20 человек.

Каждое утро штабной кладовщик выдавал строго нормированное количество продуктов, в рацион питания входили: рис, чай, растительное мас-

ло, рыба, горох, гречка и т.д., иногда японцы готовили свои национальные блюда, например, мисо (соус из бобов), рисовые пампушки, ели своими традиционными деревянными палочками. В целом питание было довольно скудным.

Ксения Платоновна Кирпичёва, 1929 года рождения, рассказывает, что продукты у японцев быстро кончались, и им приходилось менять собственные вещи на картофель или хлеб, вследствие таких обменов нередко японцы оставались полураздетыми в холодное зимнее время. Ксении Платоновне в ту пору было 16 лет, вместе с подружкой она развозила горячие обеды для работающих на реке односельчан и однажды по просьбе японца накормила его супом, это не ушло из поля зрения охранника. Вскоре девушек вызвали к начальнику лагеря и строго предупредили.

Для военнопленных был предусмотрен банный день, выдавалось мыло туалетное или хозяйственное. Опоясанные полотенцами, они гуськом друг за другом в сабо на босу ногу спешили в баню. Кусочки мыла, оставшиеся после мытья, японцы не забирали с собой, а оставляли возле бани, затем их собирали местные дети и несли домой, в посёлке это была большая редкость.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЁННЫЕ

КАКИЕ ЖЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОЖИЛИСЬ между японцами и русскими, победёнными и победителями? Администрация лагеря постоянно вела разъяснительную работу среди местного населения, суть которой сводилась к следующему: к пленным не подходит, никаких разговоров не вести, они - наши враги, такие же, как фашисты, заслуживают только презрения. Но, как ни старались представители власти, ненависти и презрения к японцам почему-то не возникло. Первыми на контакт с чужаками пошли, разумеется, дети, чьи головы были ещё свободны от мыслей делить людей на чужих и своих. Тайком от родителей они подходили к японцам, объяснялись с ними, как могли, и от души смеялись, когда те, ломая язык, пытались что-то сказать по-русски. А какой радостью светились детские глаза, когда японцы угощали их чем-нибудь, а чаще просто подкармливали. Наверное, глядя на русских детей, они вспоминали своих.

Случались и казусы. Однажды мальчишки украли мешок с одеждой со склада, хотелось приодеться, но в мешке оказались одни шапки. Разочарованные такой незадачей, они броси-

ли и располагающая к себе учтивость и сдержанность японцев, их умение сострадать. Эти качества можно смело отнести к подавляющему числу военнопленных. Чем же ещё можно объяснить тот факт, что не знающие сами сытости японцы подкармливали русских детей.

Зоя Серафимовна Русанова вспоминает, как её однажды угостили гороховым супом, тогда ей казалось, что вкуснее она никогда ничего не ела. Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что между местными жителями и пленными японцами сложились не только терпимые, но и доброжелательные отношения. Это отмечают все без исключения старожилы. В сложное послевоенное лихолетье бывшие противники помогали выживать друг другу.

КИМУРА И АРАЙ

ПРИ ШТАБ-КОНТОРЕ постоянно жили два японца, имена которых в Турке помнят до сих пор, Кимура и Арай, первый ухаживал за лошадьми, другой портняжил. Обоим было больше 40 лет. Были они на особом положении, свободно ходили по посёлку без конвоя, от тяжёлых работ были освобождены, пользовались доверием начальника лагеря. Туркинцы предполагали, что эти японцы «наши», т.е. антифашисты, может, даже и коммунисты. В соседнем доме, рядом с ними, проживала многодетная семья Игумновых, едва сводившая концы с концами. Мать с дочерью подрабатывали у японцев стиркой и мытьём полов, получая за это продукты. А младший их сын, трёхлетний Толя, и вовсе не выводился от Кимуры и Арая. Бывало, вечером зовёт мать Толю домой, а японцы кричат: «Десь, десь!» (т.е. здесь). Мальчишку кормили, играли с ним и даже баловали. Однажды Арай шил Толе из сунка и заячьих шкур японский национальный костюм и шапку - красивая и добротная получилась вещь, такой в Турке не было ни у кого. Кимура и Арай соорудили для себя японскую баню, которая состояла из двух больших чанов (по-японски - фуру), в одном чане мылись, в другом ополаскивались. Приглашали в свою баню мыться соседей, но те по понятным причинам отказывались. Прошли месяцы. К японцам стали уже привыкать, и, когда они строем проходили по улице, никто не показывал на них пальцем и не свистел вслед, казалось, что здесь они уже живут давно и будут жить и работать ещё долго.

Но весной 1946 года с началом су-